

Сейчас в интернете в ходу одно модное выражение — специально для тех мелких ребяташек, что не по годам смышлёные: «маленький старший брат», «маленькая старшая сестра».

Эти маленькие старшие братья и сёстры хоть и невелики годами, но куда зрелее многих „хрупких“ студентов. Непринуждённая, уверенная манера держаться — их базовая комплектация, вдобавок они умеют играть на инструментах, рисовать, танцевать, владеют несколькими языками — сплошная «атака с понижением размерности»¹.

1. «Атака с понижением размерности» — термин из НФ-романа Лю Цысиня «Тёмный лес»: уничтожение противника свёртыванием его пространства в меньшее число измерений.

Вот, к примеру, та старшая вожатая, что объявилась перед Чэнь Дунем — типичная «маленькая старшая сестра».

Но Чэнь Дун ни за что не соглашался звать её старшей сестрой! В детстве он жил в тени сверстницы — старшей вожатой, так неужели теперь, в зрелые годы, снова должен покоряться ещё одной старшей вожатой?

Подумав об этом, он спросил:

— Малышка, ты ещё не сказала мне, как тебя зовут.

— Во-первых, я уже в шестом классе, на следующий год буду в средней школе. Я не малышка.

— Старшая вожатая поправила его и очень серьёзно добавила: — Во-вторых, можешь звать меня Emily².

2. Emily — в оригинале английскими, маркер престижного «продвинутого» воспитания.

Чэнь Дун:

—

«До чего же зазнайка, эта старшая вожатая.»

Он решил звать её Рисинкой³.

3. Рисинка — (Xiǎo mǐlì), «маленькое рисовое зёрнышко». Пафосному «Emily» Чэнь Дун

переименовывает её в созвучное по первому слогу (Эми-/ми-), но приземлённое «рисинка».

Сейчас в кофейне было совсем мало посетителей. Та компания озорников виновато сбежала ещё когда Рисинка вошла в дверь. Одного этого хватало, чтобы понять: эта старшая вожатая в начальной школе — безусловное «лицо при реальной власти». Чэнь Дун нашёл свободный столик в углу, отодвинул стоящий рядом стул и пригласил это «лицо» сесть.

Тяжеленный школьный рюкзак Рисинки с грохотом опустился на деревянный стол — тот как будто даже качнулся. Чэнь Дун давно слышал, что у нынешних ребяташек тяжёлая учебная нагрузка — это видно уже по такому раздутому, набитому рюкзаку.

Хань Сюнь нарезал им тарелку фруктов и сам тоже сел рядом, собираясь послушать, какие у девочки соображения.

Рисинка сразу перешла к делу:

— Дядя Чэнь, скоро мама ещё поведёт меня на урок фортепиано, я могу дать тебе только десять минут, так что давай поскорее, представь своё произведение.

— Э. — Чэнь Дун запнулся. Это ещё что? Его собеседует ученица начальной школы? Ладно, для начала пусть попробует рассказать. — С чего бы мне начать... Тогда с самого начала. Главного героя этого романа зовут Фу Сяосы, он умный и сообразительный мальчик, мастер наблюдать и размышлять, немного озорной, и по физкультуре у него отличные результаты — любимец всего класса. (При словах «любимец всего класса» Рисинка вдруг скривила губы.) Он всё время хотел стать, как великий сыщик Шерлок Холмс, но всё никак не выпадало случая. Однажды их класс пошёл на урок физкультуры, и у одной девочки украли оставленную в классе бутылку для воды, а он через наблюдение и логические выводы, с помощью своего питомца-кролика Хуашэна, помог ей эту бутылку вернуть...

— Питомца-кролика? — Рисинка ухватилась за это ключевое слово.

Чэнь Дун кивнул:

— Да, говорящего питомца-кролика.

Рисинке стало крайне любопытно:

— Ещё и говорящего? Это что, научно-фантастический роман?

Хань Сюнь читал этот комплект книг и принялся объяснять за Чэнь Дуна:

— Не то чтобы по-настоящему говорящего. Ты смотрела «Гарфилда»? По форме очень похоже. Бормотание Гарфилда себе под нос слышат только читатель и сам Гарфилд, а хозяин — нет. С точки зрения хозяина кот просто бубнит себе под нос, и всё.

На лице Рисинки впервые появилось озадаченно-растерянное выражение — она явно не слышала про этого прославленного оранжево-жёлтого кота Гарфилда.

И впрямь разница поколений.

Чэнь Дун, поскрёбывая в затылке, поразмыслил какое-то время и привёл похожий пример:

— Гарфилд для нас в детстве был общеизвестным персонажем, как «Куроми» у тебя на рюкзаке.

«До чего же трудно разговаривать с детьми.»

— Я поняла! — Рисинку вдруг осенило. — Гарфилд — это как Пикачу, Снупи, Дораэмон. Все они манга и комиксы, которые любили вы, люди из прошлого века.

— — Чэнь Дун чуть не раскрошил себе зубы. — Да, все эти штуки, которые ты назвала, мы, люди из про-шло-го ве-ка, очень любили.

Сидевший рядом Хань Сюнь рассмеялся так, что закашлялся.

Дальше Чэнь Дун на максимальной скорости разок изложил примерный сюжет «Великого детектива Фу Сяосы». Этого комплекта детских книг сейчас вышло уже всего три тома, каждый по сто тысяч знаков, каждый состоит из одного большого дела и двух маленьких дел, вперемежку с семейными забавными историями, научными играми, мелкими житейскими премудростями и сведениями о природе, и вдобавок снабжён изящными иллюстрациями.

Честно говоря, Чэнь Дун, когда писал этот комплект, и правда вложил много стараний, иллюстратор, которого нашло издательство, тоже был очень хорош, весь комплект оформлен изящно, но... Но вот распродается ли роман большим тиражом, очень часто со всем этим никак не связано.

А с чем же связано?

Чэнь Дун и сам не мог толком сказать.

Он знал, что не должен заниматься самоедством, не должен тревожиться, но всякий раз, когда ночь была глубока и тиха, когда он сидел один за письменным столом, работая при зажжённой лампе, когда смотрел на эти несколько миллионов знаков текста в режущем глаза экране

компьютера, трудно было обманывать себя, будто ему всё равно.

Писать — это сажать неведомое семечко: Чэнь Дун поливает его кровью сердца, тревожится, как бы его не палило солнце и не мочил дождь, но оно вовсе не обязательно вырастет так, как замыслил, и зацветёт пышным цветом.

Оно может зацвести зимой, может зацвести ночью. Оно может цвести лишь раз в восемнадцать лет...

...Оно может вообще не зацвести.

Каким бы оно ни было, Чэнь Дун в тот миг, когда сажал семечко, всё равно желал, чтобы оно полюбилось как можно большему числу людей.

Он закончил рассказывать историю про это семечко и с надеждой посмотрел на Рисинку.

— Рисинка, как ты думаешь, твоим одноклассникам понравится моя книга? — спросил он. — Я хочу прийти к вам в школу и провести встречу-обсуждение новой книги, но твоя бабушка говорит, что одного только предложения от родителей недостаточно.

— Как бы это сказать... — Девочка как раз ела фрукты, которые нарезал ей Хань Сюнь. Ела она аккуратно и изящно, сразу видно — из хорошо воспитанной семьи: пока не проглотит кусок, ни за что не заговорит. — У нас в школе каждую вторую неделю по пятницам, на втором уроке во второй половине дня «Профессиональный урок для родителей»⁴. Председатель родительского комитета, то есть моя мама, организует, чтобы все родители провели рассказ о профессиях: например, у одного одноклассника папа — юрист, у другого тётя по маме — врач. Каждый раз родительский комитет выдвигает по две-три профессии, потом даёт одноклассникам проголосовать, выбирают профессию, которая всем интереснее всего, а потом приглашают этого родителя прийти и рассказать одноклассникам о своей работе.

4. «Профессиональный урок для родителей» — занятие, на котором родители по очереди рассказывают детям о своих профессиях.

Чэнь Дун пришёл в полное восхищение: так вот она какая, элитная начальная школа столичного города? Образовательные ресурсы тут до чего же превосходны!

Соображал он быстро и тут же сказал:

— Я понял, если твоя мама выдвинет меня, чтобы я в качестве писателя рассказал о своей работе, а твои одноклассники потом из выдвинутых выберут меня, тогда я смогу попасть в школу!

Рисинка кивнула.

— Тогда всё просто! — Чэнь Дун, не в силах больше ждать, стащил книги с полки и подвинул их к Рисинке. — Рисинка, ой нет, сестрица Рисинка, эти книги ты все можешь забрать, подари своим одноклассникам, друзьям, подружкам! Если им понравится, у меня тут есть ещё несколько комплектов пробных экземпляров.

Чэнь Дун был довольно высокого мнения о собственном писательском уровне. Он верил, что ребяташки просто не читали «Великого детектива Фу Сяосы», а вот если бы прочитали, то непременно полюбили бы эту книгу!

Рисинка вовсе не согласилась всё взять на себя единым махом, а очень осмотрительно сказала:

— Я не могу гарантировать результат голосования, имей в виду. Я хоть и старшая вожатая дружины, но не могу злоупотреблять служебным положением и заставить всех одноклассников проголосовать за тебя.

— Я понимаю! — Чэнь Дун прекрасно её понял. — Неподкупно-беспристрастная сестрица Рисинка, дело есть дело, никакого блата и махинаций.

Рисинке такая его оценка была очень по душе. Она неспешно доела фрукты на столе, допила шоколадное молоко, и каждая её пора источала дух удовлетворения от сладкого. Только в этот момент Чэнь Дун и смог разглядеть в этой зрелой старшей вожатой хоть капельку детской ребяческой непосредственности.

Дел у неё было невпроворот: дальше ещё предстояло идти на урок фортепиано. Перед уходом девочка предъявила платёжный код на телефоне-часах и спросила у Хань Сюня, сколько стоит тарелка фруктов.

Да разве мог Хань Сюнь сводить счёты с ребёнком? Он махнул рукой:

— Денег не надо, ты помогла, это дядя тебе дарит.

Кто бы мог подумать, что взгляд Рисинки вдруг похолодеет и она очень настороженно спросит:

— Дядя Хань, ты что, меня подкупаешь?

Хань Сюнь:

— — Ему оставалось только переиначить: — Тарелка фруктов — двадцать пять.

Да дай ему хоть десять смелостей — он и то не посмел бы подкупать старшую вожатую дружины!

Девчушка с высоко поднятым конским хвостиком и Куроми на рюкзаке так и удалилась. Даже со спины она держалась степенно, ножки в маленьких кожаных туфельках цок-цок ступали по каменным плиткам, что ни шаг, то отпечаток.

В каждой руке она несла по полиэтиленовому пакету, тяжело набитому сочинениями Чэнь Дуна. Тот было хотел проводить её до дома, но Рисинка мягко отказалась: сказала, что уже зрелая старшая вожатая и во всём полагается только на себя.

Глядя на её постепенно удаляющуюся спину, парень почувствовал, что никогда ещё так не уставал. Только что он держал марку взрослого, важничал и кривлялся, до смерти боясь, что его переплюнет двенадцатилетняя девчушка.

Хань Сюнь не сдержал смеха и принялся его утешать:

— По крайней мере, она не ползала по полу.

Чэнь Дун с тоской на лице тяжело вздохнул:

— Да я уж предпочёл бы, чтоб она ползала по полу.

Как так выходит, что в одном и том же старшем звене начальной школы кто-то ещё как непросвещённая обезьяна, а кто-то уже настолько зрел, что хоть отправляй на «Сестричек, рассекающих волны»⁵?

5. «Сестрички, рассекающие волны» — переделка названия реалити-шоу 姐姐的旅行 (Mango TV) — конкурса состоявшихся женщин 30+.

Чэнь Дун, не находя себе места, прождал целую неделю и наконец дождался — старшая вожатая Рисинка снова переступила порог кофейни.

Вот только на сей раз она пришла вместе со своей мамой.

Чэнь Дун заказал для девочки стакан шоколадного молока, побольше сахара. А для её мамы сделал чашку фирменного латте кофейни, на треть сахара, потом уселся напротив матери и

дочери.

Обе они, мать и дочь, лицом были очень похожи на «Цветёт богатство и роскошь». По натуре мать была куда обходительнее и добродушнее, не то что дочка, вечно с насупленным личиком и видом маленького взрослого.

Чэнь Дун — мастер наблюдать. Едва усевшись, заметил, что взгляд Рисинки слегка блуждает, ей неловко на него смотреть, а пальцы бессознательно накручивают кончик волос — она была совсем не такой зазнайкой, как при прошлой встрече.

— Учитель Чэнь, мне, право, очень неловко. — Как и следовало ожидать, мама Рисинки после краткого обмена любезностями заговорила с несколько смущённой интонацией: — То, что вы хотели прийти к нам в школу и провести лекцию... Не очень-то заладилось.

У Чэнь Дуна внутри ёкнуло и упало, но лицо его всё же оставалось невозмутимым, как гладь без волн.

— Вам не нужно звать меня учителем Чэнь, я просто пишу книги, на «учителя» никак не тяну. Зовите меня Сяо Чэнь, и довольно. — Он поправил очки и совершенно непринуждённым тоном спросил: — Что такое, члены родительского комитета не согласились?

— Да нет, не то. — Мама Рисинки пояснила: — Когда родительский комитет на этот раз выдвигал кандидатуры, я подала ваше имя, и члены комитета только приветствовали идею, чтобы писатель пришёл в школу и провёл лекцию. Но вот голосование учеников...

Улыбка Чэнь Дуна уже почти не держалась. Он посмотрел на Рисинку и тихонько спросил:

— ...Это что, книги, которые написал дядя, плохие, не понравились ученикам?

— Нет-нет. — Рисинка яростно замотала головой. — Я положила твои книги в читательский уголок класса, всем одноклассникам они очень понравились, но вот на этом голосовании все проголосовали за других.

— За других?

Мама Рисинки сказала:

— На этот раз было трое кандидатов: один из родителей работает в отрасли космической промышленности, ему как раз нечасто выпадает отгул, и сейчас он дома. Другой родитель знаком с тем, кто ухаживает за пандами.

Чэнь Дун:

—

Тот, кто строит ракеты, тот, кто растит панд, и тот, кто пишет романы.

Когда эти три варианта поставлены рядом, какой отсеять — само собой разумеется.

— Вот, значит, как. — Чэнь Дун выразил глубокое понимание. — Да что там ребятишки, будь это даже я сам, тоже хотел бы послушать лекцию ракетного инженера и того, кто ухаживает за пандами.

Проводив Рисинку и её маму, Чэнь Дун снова сел за тот самый, самый любимый его кофейный столик.

Сейчас стояла уже глубокая осень, за панорамным окном всё было сплошь золотым. Вчера вечером как раз пронёсся ветер, листья тополей усыпали всю землю, сухие и ломкие, наступишь — хрустит-скрипит. Только что отпущенные с уроков озорники побросали рюкзаки, ринулись в опавшую листву и выискивали самые толстые черешки тополиных листьев, чтобы наперегонки тягаться, у кого крепче — «кто кого перетянет за корешок»б.

б. «Кто кого перетянет за корешок» — 拔根 (bá gēnr) — детская осенняя игра: сцепить черешки листьев крест-накрест и тянуть, проигрывает тот, чей порвётся.

В общем и целом, осень в столице очень приятная: небо высокое, облака редки, на душе вольготно и отрадно.

В общем и целом, Чэнь Дуну стало очень тоскливо.

Он не набивал текст, а, подперев подбородок, глядел в окно. Мысли его то опустошались, то снова заволакивались сумрачной пеленой.

— Поешь чего-нибудь. — Внезапно сбоку раздался голос.

Хань Сюнь держал в руках тарелку фруктов и тихонько поставил её перед парнем.

Руки у него были искусные: он вырезал из яблока кролика, на клубнику выдавил лёгкие сливки, черешню и виноград нанизал маленькой гроздью и обмакнул в тонкую, поблёскивающую сахарную глазурь — вся тарелка выглядела и оживлённо, и изысканно. В середине шоколадом был нарисован улыбающийся человечек, поднявший большой палец, словно подбадривая Чэнь Дуна.

Тот не хотел разочаровывать Хань Сюня и через силу съел несколько кусочков, совершенно не разобрав вкуса, но вслух сказал:

— Очень вкусно.

— Тебе очень тоскливо? — Хань Сюнь оперся одной рукой о край стола и, склонившись, спросил: — Из-за того, что не удалось попасть в школу и провести лекцию?

— Товарищ Хань Сюнь, — с непроницаемым лицом произнёс Чэнь Дун, — Ты знаешь, что значит «тыкать как раз в тот чайник, что не кипит»? Нельзя, что ли, дать мне немного побыть одному, в тишине, дать мне, как прочим литераторам и стихоплёткам, малость погрузиться о весне и потужить об осени?

— Но в этом деле ты не виноват, — ответил Хань Сюнь. — Рисинка сказала, что твоё произведение написано очень хорошо, ученикам очень понравилось. Просто...

— ...Просто у них всегда находится что-то, что нравится «больше». — Чэнь Дун перебил его. — Я, конечно, знаю, что хорошо пишу, конечно, знаю, что им понравится, но эта симпатия не может стоять у них в сердце на первом месте.

Он вдруг почувствовал страшную усталость. Несколько лет он, не поднимая головы, писал, а достаточного признания так и не получил, и это на миг заставило его захотеть всё бросить:

— Это же смотритель панд! Это же ракетный инженер! Кто будет настолько глуп, чтобы не выбрать их, а выбрать только меня.

— Я.

Неожиданно Хань Сюнь ответил так:

— Ни смотритель панд, ни ракетный инженер мне не интересны, мне нравишься только т... Твои произведения.

Лицо Чэнь Дуна вмиг залилось краской.

Он хоть и знал, что любовь Хань Сюня к нему слепа, но это уж было чересчур слепо!

— Ай-я, ну ты и человек, ну ты и человек... — Чэнь Дун замямлил. Наконец-то он понял, почему те негодные государи даже в час крушения державы всё ещё липли к гарему. Какому мужчине, когда его настигает удар по карьере, не нужна нежная гавань? Он выдавил из себя фразу: — Ты же не ученик начальной школы, твой голос не считается.

Хань Сюнь пошутил:

— Тогда я их подкуплю: впредь все ученики начальной школы, что приходят в кафе, отдадут за тебя один голос, и я подарю им стакан бесплатного напитка.

— Накрутка голосов — не геройское дело. — Чэнь Дун всё же очень дорожил честью. — ...Ладно, пусть на этом голосовании я и провалился, но ведь выдвижение не единственное, не велика беда. Подожду ещё месяц и попрошу маму Рисинки выдвинуть меня ещё разок. Не поверю, неужели каждый раз мне будут попадаться ракетный инженер и смотритель панд? Не может же быть, чтобы у каждого ученика родители работали на таких великих и пафосных работах, иначе уж больно высок порог, чтобы рожать детей.

Спасибо Хань Сюню, что вразумил его. Чэнь Дун понёс с ним всякую чепуху-ахинею и в самом деле выбрался из того подавленного, самоедского состояния.

Жизнь — она ведь сплошные взлёты и паде-, паде-, паде-, паде-, падения.

Даже Лу Синь не мог поручиться, что каждый его рассказ станет творением на века, а он, третьесортный романист, вдруг из-за голосования учеников начальной школы изводится из-за выигрыша-проигрыша — это и впрямь так незрело!

Чэнь Дун привёл чувства в порядок, вновь поднял знамена и забил в барабаны, и решил отправиться в путь заново:

— Какая в кафе есть работа? Я возьмусь!

Хань Сюнь ответил:

— Никакой работы в кафе нет, лучше уж пиши свои романы.

— ...Умоляю, хотя бы в течение недели не давай мне слышать эти два слова — «писать романы». — Чэнь Дун сложил ладони и жалобно-жалобно произнёс: — У меня правда сейчас будет ПТСР.

Но работы и впрямь никакой не было. Пол — чистый-пречистый, окна — чистые-пречистые, рабочая стойка — чистая-пречистая, и посетители в кафе тоже чистые-пречистые.

Хань Сюнь подумал-подумал и предложил:

— Хочешь научиться рисовать латте-арт?

— Э?? Ты ещё и латте-арт умеешь??

Хань Сюнь рассмеялся:

— Конечно умею, я же единственный бариста в кафе. Хозяин нанял меня вовсе не затем, чтобы я каждый день делал только американо со льдом по скидочной цене в пятнадцать юаней.

Какой кофе подходит для латте-арта?

Вообще говоря, для латте-арта лучше всего подходит горячий латте.

В чашку с обильной маслянистостью и сбалансированным соотношением кофе и воды вливают вспененное свежее молоко. Часть молока смешивается с кофе, а когда жидкость в чашке почти достигает краёв, оставшаяся молочная пена как раз успевает сложить на поверхности узор.

Чаще всего встречаются сердечко и листок, посложнее — лебедь и рождественская ёлка, а ещё сложнее — из молочной пены можно даже выстроить объёмных медвежат и собачек.

Хань Сюнь открыл эту кофейню и правда чтобы убить время, но убивать время и взбивать молочную пену⁷ — одно другому нисколько не мешает!

7. Каламбур. Глагол 打发 (dǎfā) — и «убивать/проводить (время)», и «взбивать (пену)».

Он показал Чэнь Дуну своё мастерство.

Пальцами с чётко выраженными суставами, мужчина поддерживал круглую чашку за донце, другой рукой поднял питчер⁸ с пеной и медленно, ровно вливал молоко. Эспрессо быстро слился с молоком, и когда жидкость заполнила чашку почти на девять десятых, его правая рука ритмично, легко задрожала — и молоко вслед за этим оставило на поверхности кофе вереницу чётких отметин.

8. Питчер — это металлический кувшинчик-молочник с носиком.

Во время латте-арта он был сосредоточен и серьёзен, солнечный свет из окна в пол падал ему на профиль, и он чуть моргнул, уклоняясь от режущего глаза света. Чэнь Дун, который до этого

всё время на него смотрел, сам не зная почему, тоже ощутил трепет в сердце, немного растерянно отвёл взгляд и заставил себя сосредоточиться на чашке.

Вот так, в мгновение ока, Хань Сюнь завершил одну чашку латте-арта.

— Это что, кролик?! — радостно изумился Чэнь Дун.

— Это не обычный кролик, это Хуашэн, — мужчина легонько улыбнулся и развернул руку, протягивая кофе Чэнь Дуну.

«Хуашэн» — это имя того говорящего кролика из «Великого детектива Фу Сяосы», у него жёлто-белая шерстка, это вислоухий кролик в шапочке. Хань Сюнь ещё и зубочисткой, обмакнув в шоколадный соус, поставил крольчонку глазки, отчего тот стал ещё живее.

Чэнь Дун достал телефон и фотографировал снова и снова, не мог нарадоваться и допытывался, сколько ему самому надо тренироваться, чтобы сделать такого крольчонка.

— Тебе сначала надо тренироваться с основ, — Хань Сюнь велел ему не торопиться. — Сначала отработай сердечко, потом листок, а что до кролика — тут уж всё зависит от твоей собственной смекалки.

Чэнь Дун не желал смиряться. Неужели нарисовать кролика труднее, чем написать про кролика? К тому же он ведь мастер готовить, сяолунбао может одним махом слепить с восемнадцатью защипами, он не верит, что не сумеет сделать чашку латте-арта.

И вот с этого дня Чэнь Дун временно отложил своё великое дело набора текста и принялся усердно учиться делать латте-арт.

В первый день он разбил две чашки.

На второй день он извёл три бутылки молока.

На третий день он угробил один фартук.

Чэнь Дун и правда не из тех неуклюжих растяп, но ему пришлось признать, что латте-арт и впрямь куда труднее, чем он себе представлял. Чтобы делать это, нужна твёрдая рука, спокойное сердце, сосредоточенность, неподверженность внешним влияниям, а как раз этого всего нынешнему Чэнь Дуну и не доставало.

Он слишком хотел добиться результата, слишком хотел получить одобрение, слишком хотел доказать себя, и в итоге его кофе всякий раз превращался в чашку мутной жидкости.

Он не мог сделать даже простейшего латте-арта в виде сердечка.

Чэнь Дун с некоторой виноватостью подумал:

«Хорошо, что наш хозяин — богатый болван, не проверяет счета. Ведь если бы узнал, что я в рабочее время извёл столько кофейных зёрен и молока, то наверняка бы уволил!»

— Ой! — отвлекшись на миг, Чэнь Дун дрогнул рукой, и обжигающе горячий кофе перелился через край, плеснув ему на руку.

Стоявший рядом и наставлявший его Хань Сюнь среагировал молниеносно: тут же выхватил чашку и потянул его руку под кран промывать.

Журчащая холодная вода лилась на обожжённые пальцы Чэнь Дуна. Ладони обоих наложились друг на друга, и когда жар спал, на смену ему пришёл другой жар.

Чэнь Дуну стало немного неловко:

— Кофе не очень-то горячий, всё в порядке.

Он отдернул руку, закрыл кран, забегал взглядом:

— Я пока не буду тренироваться. Ты говоришь про эту дрожь запястья, наклон чашки — я-то понял, а сделать всё равно не выходит, я за эти дни извёл слишком много продуктов.

— Попробуй ещё раз, — Хань Сюнь посмотрел на его опущенную макушку. — На этот раз я научу тебя, вода твоей рукой.

— А?

Прежде чем парень успел сообразить, Хань Сюнь уже ловко и проворно сменил чашку, сделал эспрессо, взбил питчер молочной пены. Он сунул в левую руку Чэнь Дуна чашку большого диаметра с кофе, в правую — питчер с молоком, а потом зашёл ему за спину и, раскрыв руки, обнял.

Чэнь Дун был совершенно не готов, спина вот так и врезалась в объятия. Сквозь тонкую одежду он даже мог чувствовать, как часто бьётся сердце Хань Сюня.

Чэнь Дун: «.....????!!!!»

Братец Сыма Чжао9, да это же сексуальное домогательство на рабочем месте!! Он — чистый-

непорочный юный писатель, как же он может вот так покориться под развратным гнётом кофейного мастера?

9. Сыма Чжао — человек, чьи тайные намерения очевидны всем.

Жаль только, протест Чэнь Дуна не успел вырваться наружу — Хань Сюнь подал голос, напоминая:

— Не отвлекайся, я научу только один раз.

Мужчина прижал ладони к ладоням “ученика”, запястье чуть дрогнуло — и так началась его демонстрация.

В эту секунду руки Чэнь Дуна словно превратились в руки Хань Сюня, а глаза Хань Сюня словно превратились в глаза Чэнь Дуна.

Юношей ловко управлял стоящий за спиной мужчина, молоко сливалось с кофе, дыхание и сердцебиение — в одном ритме.

Вслед за лёгкой дрожью запястья, почти в мгновение ока, между стенками кофейной чашки распустилась пышная роза. Питчер с пеной легонько накренился, и вытянувшаяся молочно-белая жидкость прочертила всю картину насквозь, став стеблем розы.

Чэнь Дун с удивлением и восторгом уставился на розу в чашке, не смея поверить, что она и правда родилась в его собственных ладонях!

— Запомни угол запястья, запомни частоту дрожи.

Источник тепла за спиной исчез, Хань Сюнь снова отступил вбок, и между ними опять пролегло большое расстояние.

— Тренируйся сам побольше, а если ещё будут какие-то вопросы, можешь... Мм, можешь снова прийти спросить у меня.

Оставив эту тираду, человек, словно у него какое-то срочное дело, быстрым шагом удалился. Он шёл так быстро, что даже не обернулся.

Чэнь Дуну было не до того — всё его внимание сейчас было на этой чашке кофе. Он бережно держал результат трудов и от возбуждения кружился на месте.

Эта роза сделана его собственными руками, но и не совсем его собственными руками.

Однако у Чэнь Дуна было смутное предчувствие — приняв эту розу, его жизнь тоже пойдёт в гору-гору-гору!

Чэнь Дун будто и правда прозрел: после того как Хань Сюнь, водя его рукой, научил рисовать розу, его уровень латте-арта вдруг стремительно рванул вперёд.

Всего за несколько дней он быстро овладел сердечком, листком, рождественской ёлкой и прочими узорами, и изяществом они были не хуже, чем у мастера.

Разумеется, сколько продуктов он извёл, делая латте-арт, докладывать хозяину было ни к чему.

После того как он ещё раз успешно изобразил розу и понёс хвастаться, в голосе Хань Сюня прозвучала какая-то невнятная, неопределённая растроганность:

— ...Мм, ты выучился.

— А как же иначе? — очень гордо отозвался Чэнь Дун. — Я ведь такой умный, разве есть что-то, чему я не смог бы научиться?

Хань Сюнь спросил:

— По-хорошему-то, разве ты не должен из вежливости ответить: «Это всё потому, что наставник хорошо учил»?

Чэнь Дун подумал: «Какой ты мне наставник, ты же явно использовал служебное положение в личных целях, нарочно ко мне прижимался-обнимался!»

Из-за того что парень с головой ушёл в латте-арт и забросил писательство, редактор специально позвонил поторопить со сдачей, спросил, как продвигается четвёртый том «Великого детектива Фу Сяосы».

— Учитель Чэнь, срок сдачи у нас до Нового года, на вычитку, вёрстку и согласование уйдёт минимум полгода, только так успеем выпустить к летним каникулам следующего года, ты уж больше не тяни! — Редактор торопил как сумасшедший.

Чэнь Дун с колебанием спросил:

— Написать-то я почти написал, но четвёртый том точно ещё будут выпускать? ...Первые три тома и так продавались настолько плохо, издательство, даже если выпустит, всё равно в убытке.

Он с таким трудом через латте-арт выстроил каплю-капельку-капельюшечку жалкой уверенности в себе, и пока что был не в состоянии встретиться лицом к лицу с плачевными продажами четвёртой книги.

Редактор утешил его:

— Издательство изначально подписало с тобой контракт на серию из пяти книг, даже если продаётся плохо, то порежут шестую, а не четвёртую. К тому же мы ведь сейчас старательно налаживаем контакты с начальными школами, добиваемся, чтобы тебя пустили проводить встречи-беседы, а как проведёшь встречи, так и продажи пойдут вверх!

У Чэнь Дуна снова вспыхнула надежда:

— Так нашли подходящую началку?

Редактор:

— О, нет.

Чэнь Дун:

— ...Выходит, ты столько всего наговорил — и всё впустую.

Уж лучше самому продолжать втираться в доверие к Рисинке и её маме.

Повесив трубку, Чэнь Дун уже не имел настроения снова делать латте-арт.

Какой толк в том, что он красиво рисует на кофе? На клавиатуре-то он умеет рисовать только большую кучу.

Хань Сюнь заметил, что у него упало настроение, и не стал утешать напрямую, а спросил:

— Ты сейчас свободен?

Чэнь Дун захлопнул крышку ноутбука:

— Свободен, лишь бы не заставляли снова пялиться в компьютер, я в любой момент свободен.

Хань Сюнь указал на машинку приёма заказов на доставку за барной стойкой:

— Только что в кафе пришёл крупный заказ, пятьдесят чашек кофе. Объём слишком большой, никто из курьеров не берёт, надо нам самим сделать и отвезти в ту компанию. Если ты не занят, поехали отвезём вместе.

— Латте-арт ведь не нужен?

Хань Сюнь засмеялся:

— Если пятьдесят чашек с латте-артом, у нас обоих сегодня руки отвалятся.

Пятьдесят чашек кофе — половина американо, половина латте. Они вдвоём распределили работу и быстро управились. Хань Сюнь надёжно уложил и закрепил пятьдесят чашек в маленькой кемпинговой тележке, в два яруса. Потом запер дверь кафе, и они вместе с Чэнь Дуном, один впереди, другой позади, сопровождая кофе, отправились в путь.

Та компания находилась от кофейни не так уж далеко, минут десять пешком. Не стоит недооценивать эти десять с лишним минут пути — Чэнь Дун уже и не мог вспомнить, как давно он ходил погулять!

До того как стать подработчиком-официантом в кофейне, каждый день, уткнувшись, набирал текст дома, путать день с ночью было для него нормой. А как появилась работа в кофейне, он каждый день приходил к открытию и уходил к закрытию, по десять часов торчал в кафе. Хотя Хань Сюнь никогда не ограничивал его приходы и уходы и даже если он посреди дня отлынивал — тоже можно, но парень был большим домоседом и предпочитал сидеть в кофейне, туля перед компьютером, лишь бы не выходить шататься на улицу.

Он знал, что Хань Сюнь сегодня нарочно нашёл предлог, чтобы «выдернуть» его из кафе, дать прогуляться, повидать солнышко, потоптать опавшие листья, подышать свежим воздухом, привести себя в порядок и не вязнуть в унынии.

Он знал — он всё знал, это была нежность Хань Сюня.

Та компания располагалась прямо у улицы, там стоял ряд маленьких зданий, сплошь набитых мелкими фирмочками. Они быстро её нашли, передали кофе на ресепшен. За кофе заплатили заранее онлайн. Хозяин, видя, что они притащили доставку за тридевять земель, кинул им двадцать юаней «за беготню» и ещё сказал:

— Сдачи не надо.

Хань Сюнь, чья стоимость исчислялась несколькими нулями, приподняв бровь, посмотрел на брошенную перед ним двадцатиюаневую купюру и ничего не сказал.

Зато Чэнь Дун немного рассердился. Волоча за собой пустую тележку, он вышел из той компании, бубня под нос:

— Ух, какой противный хозяин, пятьдесят чашек кофе, а дал всего двадцать юаней чаевых, да ещё и швырнул! Кому это нужно?

Хань Сюнь добродушно посмеялся и сменил тему:

— Раз уж эти деньги — наши с тобой чаевые, то в кассу их вносить не будем.

Чэнь Дун потёр ладони:

— Давай-давай.

Хань Сюнь:

— Пойдём, погода такая холодная, сходим поедим чего-нибудь.

Неподалёку как раз была палатка с печёным бататом, новая партия ещё не подоспела из печи. Они караулили у лотка, разом вдыхая аромат и греясь на солнце.

И как раз в этот момент с дальнего конца улицы вдруг показалась группа до странности знакомых фигур. Чэнь Дун присмотрелся: да это же школьники из соседней начальной школы?!

В той веренице было человек пятьдесят-шестьдесят, судя по росту — все дети из старших классов. В одинаковой школьной форме, с красными галстуками и в жёлтых шапочках, под предводительством нескольких учителей они переходили дорогу, без умолку щебеча-чирикаая, словно стайка галдящих воробышек. И ещё Чэнь Дун заметил, что у каждого из них в руке был бумажный пакет, на пакете — логотип одной очень известной хайповой пекарни.

А ещё-ещё-ещё бóльшим совпадением было то, что в толпе Чэнь Дун увидел Рисинку!

Рисинка шла в самом хвосте строя, конский хвостик всё так же был причёсан волосок к волоску. Сегодня она надела резинку для волос с Куроми и стразами, на солнце та переливалась-сверкала, а три полоски на рукаве придавали ей вид весьма важной персоны.

— Эй, Рисинка! — Чэнь Дун помахал ей в знак приветствия.

Та удивлённо остановилась. Она посмотрела на лоток с печёным бататом рядом с ними, потом на пустую-препустую тележку и потрясённым тоном спросила:

— Так мир взрослых, оказывается, такой жестокий, вы двое потеряли работу и пошли торговать печёным бататом?

Хань Сюнь:

— ...Спасибо за заботу, у кофейни дела процветают.

Чэнь Дун:

— ...Твоими бы устами, моё писательское дело идёт в гору-гору.

Рисинка скривила губы. Она ни в упор не разглядела, где это у кофейни Хань Сюня дела процветают, ни где это у писательского дела Чэнь Дуна что-то идёт в гору.

Но мама говорила, что мир взрослых вот такой и есть — лицемерный, правду с ложью вперемешку говорят.

Чэнь Дун с любопытством спросил:

— Рисинка, а вы куда это ходили, не школа ли вас, мелких школьников, организовала на групповую закупку хлеба?

Он помнил, что эта пекарня стоит недёшево — за упаковку из шести ломтиков тоста просят больше сорока, отчего он начинал подозревать, нет ли у популярных пекарен своей собственной валютной системы.

— Мы ходили печь хлеб! — Рисинка выдала неожиданный ответ. — Сегодня у нас был «Урок социальной практики», учитель повёл нас в пекарню учиться печь хлеб, ещё директор пекарни нам всё рассказывал-объяснял, чтобы мы поняли, как пшеницу убирают с полей, мелют в муку и как из сырья делают душистый-ароматный хлеб, который попадает на стол к каждому из нас.

Она раскрыла пакет и показала Чэнь Дуну хлеб, который сделала сама.

Честно говоря, у этой старшей вожатой уровень рукоделия был так себе: хлеб явно не доходил как следует, но для ребёнка, впервые пробующего печь, опыт куда важнее результата.

Чэнь Дун похвалил её:

— Это ты мышонка слепила? Очень красиво!

Рисинка ужасно разозлилась, мотнула конским хвостиком:

— Это Куроми!!

Чэнь Дун:

—

Девочка поболтала с ними всего пару фраз и ушла: она старшая вожатая, должна подавать пример и не отставать от строя.

После того как та ушла, батат, которого они ждали, тоже подоспел из печи.

На двадцать юаней можно было купить один душистый-ароматный, увесистый большой батат. Они разломали его пополам, по половинке на каждого, и, стоя у обочины, грелись на солнце и ели.

Чэнь Дун ел и приговаривал:

— У элитной началки и правда хорошие условия. И «Урок социальной практики», и «Профессиональный урок для родителей» — обучение через развлечение, а у меня-то в детстве откуда столько интересных уроков?

Хань Сюнь кивнул:

— И не говори. Хозяин той пекарни очень умён: формально вроде бы учит детишек печь хлеб, а на самом деле исподволь внушает им свою корпоративную культуру, и потом, когда им надо будет купить хлеб, они наверняка в первую очередь выберут именно эту пекарню.

Чэнь Дун замер:

— ...У меня вдруг появилась одна мысль.

Хань Сюнь тоже замер:

— ...У меня тоже появилась одна мысль.

— Тогда ты первый скажешь?

— Нет, ты первый говори.

— ...А может, скажем вместе?

— ...Мм, посмотрим, об одном ли мы подумали.

Чэнь Дун:

— Можно ли мне от имени кофейни пригласить детишек учиться делать латте-арт, а заодно представить им свой роман?

«Раз гора не идёт ко мне, может, я пойду к горе?»

В школу ему не попасть — так вызвать детишек наружу!

Хань Сюнь отстал от него на несколько тактов, сказал лишь два слова:

— То же, что выше ↑.

Чэнь Дун опешил:

— Блин, ты меня дуришь, какое ещё «то же, что выше»!

Хань Сюнь:

— «То же, что выше» — значит то же, что выше. Я считаю, ты совершенно прав, потому что я подумал точно так же.

— Какой толк в том, что мы так подумали, — Чэнь Дун откусил батат и проворчал с хныкающими нотками: — Согласится ли ещё хозяин — это отдельный вопрос.

— Не волнуйся, — Хань Сюнь вытащил из кармана салфетки, сперва вытянул одну и протянул Чэнь Дуну, вторую оставил себе вытереть руки, и только потом неторопливо произнёс: — Хозяин совершенно точно согласится.

<http://bllate.org/book/17866/1730269>